
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА «РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА»

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-4
УДК 94(47)

Марьятта Рахикайнен
доктор, доцент социальной истории
университет Хельсинки, Финляндия
marjatta.rahikainen@helsinki.fi

Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга

Аннотация. В данной работе рассматриваются три аспекта сходства между Хельсинки и Санкт-Петербургом. Во-первых, центр Хельсинки начала XIX века стал напоминать Санкт-Петербург в миниатюре, поскольку архитектор города – К.Л. Энгель – испытывал восхищение перед неоклассической архитектурой Санкт-Петербурга. Во-вторых, Хельсинки (на шведском Гельсингфорс) подходил на роль, которую дал ему А. Белый в романе «Петербург» (1916), поскольку имел название, знакомое читателю и в 1905 г. более современное, чем Санкт-Петербург. В-третьих, кинофильмы периода холодной войны, где Хельсинки выступает в роли Петрограда/Ленинграда и Москвы, демонстрируют, что грань между фактическим и вымышленным может размываться.

Ключевые слова: Карл Энгель, Яков Грот, Фаддей Булгарин, Элизабет Ригби, Ксавье Мармье, Луи Леузон-Ледюк, Андрей Белый, стиль ампира, распланированные города, роман-путешествие

Введение

Названия городов – это больше, чем просто названия: они вызывают воспоминания, затрагивают эмоции и служат символами; для кого-то название города может звучать запретным, для кого-то – притягательным. Что представлял собой имперский Санкт-Петербург? На протяжении двух веков для многих людей на большой территории он означал возможности. Однако, это стало меняться к концу XIX века, когда на эту роль стала претендовать Москва.

К тому времени, как Андрей Белый написал «Петербург» (1913), сам город стал для него символом застывшего старого порядка, по крайней мере, как я это поняла, когда читала «Петербург» первый раз. Меня также поразило, что маленький Хельсинки, или Гельсингфорс¹, играл в этом вспомогательную роль. Я

¹ Все современные писатели, цитируемые здесь, включая А. Белого, использовали для обозначения Хельсинки шведское название «Гельсингфорс» (Helsingfors). В Финляндии в

не знаю, бывал ли когда-нибудь Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) в Хельсинки / Гельсингфорсе по дороге из России в Западную Европу и обратно, как делали многие из его российских современников. Мне также неизвестно, знал ли Белый тот факт, что гости города в XIX в. отмечали, что Хельсинки / Гельсингфорс по своему виду был похож на Санкт-Петербург. Более того, во второй половине XX века, во времена холодной войны, Хельсинки играл роль мнимого Петрограда / Ленинграда и Москвы в ряде американских кинофильмов. Сам факт того, что небольшой Хельсинки / Гельсингфорс ассоциируется с величественным Санкт-Петербургом в таком определенном контексте, побудил меня написать это эссе.

Основная часть

Начнем с представления Финляндии как части Российской Империи с 1809 г. по 1917 г. и роли в этом Санкт-Петербурга. Затем рассмотрим причины, по которым скромный Хельсинки / Гельсингфорс напоминает имперский Санкт-Петербург. Следом зададимся вопросом, из-за чего Хельсинки / Гельсингфорс мог подходить для той роли, которую ему отвел А. Белый в романе «Петербург». В качестве эпилога ставится вопрос, вызываемый американскими кинофильмами, в которых современный Хельсинки играет роль Петрограда / Ленинграда и Москвы, возможно ли будет отделить фактическое от вымышленного в будущем?

Финляндия и дореволюционный Санкт-Петербург

В 1703 г., во время Северной войны, царь Петр I основал Санкт-Петербург в устье р. Невы для защиты завоеванной, в большей степени говорящей на финском языке, провинции Ингрия (Ингерманландия) от Шведского королевства. В отличие от своего шведского предшественника Ниеншанца (Nyenskans), новому городу Петра предстояло превратиться в мегаполис. В течение XVIII века Санкт-Петербург унаследовал в северной Балтике роль Стокгольма, который испытывал период застоя².

В 1809 г., в период наполеоновских войн, Швеции пришлось уступить все свои финские провинции России, и в том же году император Александр I объединил их в новое политическое образование – Великое княжество Финляндское. В 1812 г. император превратил Хельсинки / Гельсингфорс, небольшой

XIX веке языком правительства был шведский, на нем также в значительной мере говорили в Хельсинки; сегодня он является родным языком этнического меньшинства.

² Söderberg J., Jonsson Ulf & Persson C. A Stagnating Metropolis: The Economy and Demography of Stockholm, 1750–1850. Cambridge, 1991; Sven-Erik Åström From Stockholm to St. Petersburg: Commercial Factors in the Political Relations between England and Sweden 1675–1700. Helsinki, 1962. Pp. 109–119.

морской порт³, в новую столицу Великого княжества. Морская крепость Свеаборг в непосредственной близости от города повлияла на его выбор. Смена монарха прошла относительно гладко, поскольку существующие (шведские) законы оставались в силе, а управленческий аппарат и Лютеранская церковь – в неприкосновенности. Отношения между российскими императорами и их финскими подданными также оставались более или менее беспроблемными большую часть XIX века, до начала царствования Николая II⁴.

Лояльность элиты Финляндии поощрялась в числе других привилегий тем, что сыновьям знати было доступно бесплатное военное образование в Финском кадетском корпусе в Хамине / Фридрихсгаме (Hamina / Fredrikshamn), а также в менее престижной Юнкерской школе в Гельсингфорсе. Благодаря обучению в Кадетском корпусе становилось возможным сделать карьеру офицера в Русской императорской армии⁵. Также дочерям финской знати была пожалована императрицей Марией Федоровной квота на бесплатные места в Смольном институте в Санкт-Петербурге. Эта привилегия, по-видимому, высоко ценилась, поскольку четырнадцать бесплатных мест всегда были заполнены⁶. Кроме того, императорский двор Санкт-Петербурга стал альтернативой королевскому двору в Стокгольме. Дочери виднейших дворян Финляндии могли рассчитывать на то, что они будут отобраны в качестве фрейлин императрицы. В целом, лояльность финских гражданских и военных чиновников императорам способствовала перспективам замужества их дочерей⁷.

Элита Финляндии начала XIX века была расположена к тому, чтобы сохранять социальную иерархию, как и элиты российских Остзейских провинций и

³ Хельсинки / Гельсингфорс был основан в устье реки Вантаа / Ванда, но в 1640 был перенесен на его нынешнее место. В 1810 г. население города составляло около 3500 жителей (без учета многочисленных военных).

⁴ Kirby D. A Concise History of Finland, Cambridge, 2006. Pp. 71–149; Schweitzer R. Government in Finland: Russia's Borderland Policy and Variants of Autonomy // Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study / eds. Michael Branch, Janet M. Hartley and Antoni Mączak. London, 1995. Pp. 91–109; Каллейнен К. Священные узы бюрократии – высшее чиновничество Финляндии и Россия 1809–1898 гг. // Два лика России. Сборник статей / Под ред. проф. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007. С. 27–45.

⁵ Screen J.E.O. The Military Relationship between Finland and Russia, 1809–1917 // Finland and Poland in the Russian Empire. Pp. 259–270; Screen J.E.O. The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army. Studia Historica 22. Helsinki, 1986. Pp. 11–34; Engman M. Officers and Artisans: Finns in Russia // Finland and Poland in the Russian Empire. Pp. 241–258.

⁶ Löfving E. Finländska flickor i jungfrustiftet Smolna i Petersburg // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1988. Vol. 63. Ss. 277–306.

⁷ Ilmakunnas J. Career at Court: Noblewomen in Service of Swedish and Russian Royals, c. 1750–1850 // Women's History Magazine. 2013. Vol. 72. № 2. Pp. 4–11; Rahikainen M. The fading of the ancien régime mentality: Young upper-class women in imperial St Petersburg and Helsinki (Helsingfors) // Scandinavian Journal of History. 2015. Vol. 40. No. 1. Pp. 25–47.

самой России. Однако, в Финляндии (и Швеции) дворянство уже давно утратило свою монополию на землю. Исходя из этого, статус финского дворянства основывался не на владении землей, а, скорее, на высокой гражданской или военной должности. Следовательно, в первую очередь оценивался официальный чин (*rang*) мужчины и его сословная принадлежность (*stånd*). Положение в обществе женщины определялось рангом и социальным положением ее отца или мужа⁸. В 1722 г. Петр I перенес в Россию формулу шведской Табели о рангах,⁹ таким образом, Табель о рангах, применявшаяся в XIX веке в Финляндии, представляла собой сочетание шведского и российского порядков. У каждого ранга была своя отличительная форма. В 1830-х гг., во время царствования Николая I, как отмечал немецкий дворянин И.Г. Коль, половина населения Санкт-Петербурга носила те или иные мундиры, и мужчины в статской одежде всегда уступали мужчинам в форме. Это же было справедливо и для Гельсингфорса¹⁰.

Миграция из Финляндии в Санкт-Петербург была распространена. По отзывам современников, все предметы роскоши и все новые товары доставлялись в Финляндию из Санкт-Петербурга. Элиту привлекала близость высшего общества к императорскому двору; ремесленников, владельцев кафе и рестораторов – возможность приобретения опыта на престижном рынке товаров и услуг, деревенских девушек – спрос на домашнюю прислугу, а финских нищих – традиция православных россиян подавать милостыню. Трудовая миграция из Финляндии в Россию затрагивала людей разных классов, включая детей. Финские граждане были юридически свободными (в Швеции и Финляндии никогда не было крепостного права); таким образом, те, у кого не было права владеть крепостными, могли нанять их. Более того, тысячи финнов поселились в Санкт-Петербурге в качестве владельцев магазинов и квартир¹¹. Многонациональный характер населения способствовал смешанным бракам между представителями

⁸ *Upton A.* Epilogue // *Finland and Poland in the Russian Empire*. Pp. 283–287; *Wirilander K.* Herrskapsfolk: Ståndspersoner i Finland 1721–1870. Stockholm, 1982. Ss. 18–22, 98–99, 108–113, 140–162.

⁹ *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. Pp. 106–113.

¹⁰ *Kohl J.G.* Russia and Russians in 1842. Vol. I. Petersburg. London, 1842. Pp. 70–73; *Léouzon Le Duc L.* La Finlande: Son Histoire primitive, sa Mythologie, sa Poésie épique, II. Paris, 1845. Pp. 441–442.

¹¹ *Engman M.* Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century // *Scandinavian Journal of History*. 1978. Vol. 3. Pp. 155–177; *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге / пер. со швед. А. И. Рупасова. СПб., 2008. С. 61–69, 96–117, 136–285; *Katajala K.* Eastern Finland and St. Petersburg 1809–1917: Restructuring of Infrastructure and Rural Economy in the Concentric Circles around a Metropolis // *The East-West Interface in the European North* / eds. M. Dahlström, H. Eskelinen & U. Wiberg, Uppsala, 1995. Pp. 11–27. О торговле детьми см.: *Rahikainen M.* Historical and present-day child labour: Is there a gap or a bridge between them? // *Continuity and Change*. 2001. Vol. 16. No. 1. Pp. 137–156; *Ransel D.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. Pp. 219–230.

разных религий и говорящими на разных языках, но не между представителями разных сословий. Экзогамные браки были относительно привычны среди населения, говорящего на немецком, шведском и финском языках. Финны, говорящие на шведском, в Санкт-Петербурге были, в среднем, выше по социальной иерархии, чем финны, говорящие на финском, и это отражалось на брачных предложениях.¹²

Несмотря на некоторое количество параллелей, со временем различия между финским и российским обществом становились все более и более очевидными. В Финляндии старая элита высокопоставленных знатных чиновников долгое время близко сотрудничала с богатыми купцами и промышленниками по поводу выгодных вложений в торговлю и промышленность. Посредством такого делового сотрудничества финская знать постепенно перенимала менталитет и образ жизни образованных буржуазных высших классов. За пятнадцатилетний период, начиная с 1860-х гг., финский *Lantdag* (Ассамблея сословий) полностью пересмотрел экономическую политику и создал институциональные предпосылки для капитализма свободной конкуренции. Таким образом, конфликтующие интересы четырех сословий¹³ *Лантдага* не исключали их общей заинтересованности в целях экономической модернизации¹⁴. Правящие классы в Финляндии и дворянство в Остзейских губерниях адаптировались к надвигающемуся мировому капитализму более целесообразно, чем дворянство в самой России; при этом ни одна из элит, владеющих землей, не избежала кровопролития, когда были разрушены остатки старого порядка¹⁵.

Хельсинки / Гельсингфорс XIX века как Санкт-Петербург в миниатюре

В июле 1838 г. Фаддей Венедиктович Булгарин – русский писатель и редактор журнала «Северная пчела» – прибыл в Таллинн / Ревель на борту небольшого парохода "Storfursten" («Великий Князь»), который курсировал между Санкт-Петербургом – Таллинном / Ревелем – Гельсингфорсом – Турку / Або-Стокгольмом. После того, как корабль обогнул морскую крепость Свеаборг,

¹² *Busch M.* Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Düsseldorf, 1995. Ss. 26–28; *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. С. 294–303.

¹³ Четыре сословия – дворянство, духовенство, горожане и крестьяне (Bonde).

¹⁴ *Heikkinen S.* Labour and the Market: Workers, Wages and Living Standards in Finland, 1850–1913. Helsinki, 1997; *Peltonen M.* A bourgeois bureaucracy? The new mentality of the Finnish aristocracy at the beginning of the period of autonomy // *State, Culture and the Bourgeoisie* / ed. M. Peltonen. Jyväskylä, 1989. Pp. 33–53; *Rahikainen M.* The fading of the ancien régime mentality.

¹⁵ *Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley, 1988; *Seymour B.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Dekalb, 1985; *Blum J.* Russia // *European Landed Elites in the Nineteenth Century* / ed. David Spring. Baltimore & London, 1977. Pp. 68–97; *Whelan Heide W.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln, Weimar & Wien, 1999.

показался центр Гельсингфорса. Булгарин был удивлен: мог ли этот город находиться в Финляндии? Это же часть Петербурга!

«Узкимъ проходомъ, подъ пушками Свеаборга, на разстоянии полувыстрела пистолетнаго, вошли мы въ Гельсингфорский заливъ, и тутъ снова неожиданная, прелестная картина открылась передъ нами. Ужели это городъ Финляндии, которую мы привыкли называть *бедною*? Да это уголокъ Петербурга! Только высокая скала, на правой стороне пристани (полуостровъ Скатудень), усеянная хижинами, остатками стариннаго Гельсингфорса, припоминаетъ мне, что я въ Фипляндии. Вотъ мы уже въ гавани!»¹⁶

Примерно в это же время русский филолог Яков Карлович Грот¹⁷ впервые побывал в Гельсингфорсе, в котором он впоследствии прожил более десяти лет. Его первые впечатления были схожи с впечатлениями Булгарина. Эрудированным читателям российского журнала «Современник» Грот описывал Хельсинки / Гельсингфорс как полудикую красоту:

«Гельсингфорс красавецъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи, но красавецъ еще развивающийся, полудикій, исполненный противоположностей и странно поражающій путешественника, особенно Петербургскаго жителя, вокругъ котораго все такъ правильно, стройно, гладко. Напротивъ въ Гельсингфорсе, рядомъ съ приветливымъ искусствомъ, видишь природу мрачную и грозную. На серыхъ, чудовищныхъ массахъ гранита высятся тамъ величавыя, яркія зданья и башни; прибывъ съ береговъ Невы, невольно припоминаешь ихъ, думаешь на мгновенье, что не разлучался съ ними; но внезапно уронивъ взоръ на рядъ дикихъ скаль, убеждаешься, что перенесся въ какое-то новое царство».¹⁸

Вовсе неслучайно архитектура Гельсингфорса казалась довольно похожей на архитектуру Санкт-Петербурга. Архитектор новых зданий городского центра Карл Людвиг Энгель (Carl Ludwig Engel, 1778–1840) испытывал восхищение перед неоклассической ампирной архитектурой Санкт-Петербурга, который он посетил в 1813 г. Энгель родился и получил профессиональное образование в Берлине, но в 1809 г. переехал в Ревель, поскольку из-за наполеоновских войн в строительной индустрии Берлина царил упадок. Однако, сходный упадок по

¹⁶ Булгаринъ Ф. Летняя прогулка по Финляндіи Швеціи, в 1838 году. Часть I. СПб., 1839. С. 87–88. Роман-путешествие Булгарина. URL: <http://urn.fi/URN:NBN:fi-fd2010-00003163>.

¹⁷ О Гроде см.: Философский век. Альманах. Вып. 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.; Хельсинки, 2012. 355 с.

¹⁸ Гротъ Я. «Гельсингфорс» // Современник. 1840. № 2. С. 5–82. Примечание 6. URL: <http://urn.fi/URN:NBN:fi-fd2010-00002319>.

той же причине в конечном счете проявился и в Ревеле, поэтому в 1814 г. Энгель уехал в Финляндию и сначала работал архитектором в Турку / Або. Он познакомился с важными деятелями Финляндии, среди которых Юхан Альберт Эренстрем (Johan Albert Ehrenström, 1762–1847), который в 1812 г. был назначен императором Александром I ответственным за перестройку Гельсингфорса после пожара 1808 г. В 1816 г. Энгель был назначен Александром I архитектором строящихся новых зданий¹⁹.

Точно также как Петр I и Екатерина II в предыдущем веке лично участвовали в планировке Санкт-Петербурга, так и Александр I и Николай I в первой половине XIX века лично участвовали не только в работе над планами Санкт-Петербурга, но также и Гельсингфорса, в котором они бывали неоднократно. Планы нового города как новой столицы представляли на одобрение императору. Планы Гельсингфорса, выполненные Эренстромом, являлись смелой переработкой городского плана XVII века, предполагающей осовременивание барокко в традициях нового стиля, ампир; и теперь они также включали из соображений противопожарной безопасности широкие, прямые улицы и аллеи широколиственных деревьев. Проекты новых официальных зданий вокруг Сенатской площади, такие как здание (финского) Сената, главное здание Университета²⁰ и Университетской библиотеки, были представлены Энгелем императору, который принимал решение в пользу того или иного проекта. Оба императора, Александр I и Николай I, предпочитали стиль ампир «по-петербургски», поэтому центр вновь отстроенного Хельсинки со светло-желтыми официальными зданиями напоминал Санкт-Петербург в миниатюре.²¹

Будучи молодыми городами по застройке, в середине XIX века как Санкт-Петербург, так и Хельсинки / Гельсингфорс выглядели в глазах людей той эпохи современными; и, аналогичным образом, довольно отличающимися от старых европейских городов. В отличие от нынешних туристов, которых привлекают старые кварталы с петляющими улочками, узкими переулками и живописными маленькими домами, два века назад на гостей Санкт-Петербурга и Гельсингфорса производило впечатление все новое: здания в неоклассическом стиле, большие площади и длинные перспективы, образованные широкими и

¹⁹ Lindberg C., Rein G. Stadsplanering och byggnadsverksamhet // Helsingfors stads historia III delen, första bandet. Helsingfors, 1950. Ss. 19–85 (Finnish edition: Helsingin kaupungin historia III:1); Åström S.-E. Samhällsplanering och regionsbildning i kejsartidens Helsingfors. Helsingfors, 1957. Ss. 42–68; Воспоминание о Гельсингфорсе: историко-литературный очерк, гл. ред. и сост. общ. текста: Людмила Коль [et al.]. Espoo, 2011. Pp. 21–27.

²⁰ После большого пожара в Турку / Або в 1827 г. Университет был перенесен в новую столицу и переименован в Императорский Александровский Университет. Булгарин считал, что главное здание Университета было более великолепным и величественным, чем здание Сената (Булгарин. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции. P. 99.)

²¹ Lindberg & Rein. Stadsplanering och byggnadsverksamhet. Ss. 9–156.

прямыми улицами. Многим западным гостям Санкт-Петербург начала XIX века казался просторным, красивым, удобным и рациональным²².

Три западных путешественника посетили как Санкт-Петербург, так и Гельсингфорс в районе 1840 г. и описали впечатления в своих путевых заметках. Осенью 1838 г.²³ англичанка Элизабет Ригби (Elizabeth Rigby) прибыла в Санкт-Петербург на пароходе. Ее первые впечатления о городе были, главным образом, обусловлены великолепными видами не только Невского проспекта, но также прекрасных дворцов, церквей и других вызывающих восхищение зданий. Однако, она также отметила, что многие из восхитительных зданий никогда не ремонтировались, поэтому они являют собой "mixture of shabbiness and grandeur"²⁴. Из Санкт-Петербурга она уехала в Эстляндию, а летом 1840 г. совершила путешествие для отдыха и приобретения покупок на борту корабля "Furst Menschikoff" из Ревеля в финскую столицу в компании местных друзей. Из-за паромного сообщения и новой городской водолечебницы такие путешествия стали пользоваться популярностью среди российской элиты в Санкт-Петербурге и немецкой элиты в Ревеле. Как и в случае с Санкт-Петербургом, первые впечатления Элизабет Ригби при виде Гельсингфорса были очень благоприятными, но при более близком рассмотрении подверглись корректировке:

«Helsingforst²⁵ is approached through islands of rocks, some of them only tenanted by fishermen, others massively fortified – especially that called Sweaborg, which is the Cronstadt of this Finnish capital. Nor does the likeliness end here, for the town itself, clean and handsomely built, recalls Petersburg upon the first aspect. ...

Helsingforst ... bears no remains of any former splendour²⁶; its oldest houses being shabby erections of wood, which contrast most disadvantageously with those of stone which have started up since ... the peace of Friedricksham [Fredrikshamn], in 1809».²⁷

Летом 1842 г. французский писатель Ксавье Мармье (Xavier Marmier) побывал в Стокгольме, Або, Гельсингфорсе и Санкт-Петербурге. В российской столице он отзывается с похвалой о «больших и великолепных улицах» и впечат-

²² Kohl. *Russia and Russians*. 1842. Pp. 1–8; May J.-B. *Saint-Petersbourg et la Russie en 1829*. Paris, 1830. Pp. 351–352; Tarnow F. *Briefe auf einer Reise nach Petersburg an Freunde geschrieben*. Berlin, 1819. Ss. 22–23, 36–43.

²³ В ее романе-путешествии не указаны годы, поэтому здесь они даются как наше предположение.

²⁴ Rigby E. [Lady Eastlake] *Letters from the Shores of the Baltic*. Vol. I. London, 1842. P. 62.

²⁵ Ригби систематически использовала неправильное написание названия города.

²⁶ Никогда не существовало «Былого величия»; дома в центре Хельсинки / Гельсингфорса, которые были разрушены пожаром 1808 г., были низкими и деревянными. Было лишь несколько каменных зданий, которые уцелели во время пожара.

²⁷ Rigby E. [Lady Eastlake] *Letters from the Shores of the Baltic*. Vol. II. London, 1842. Pp. 71, 74–73.

ляющем облике города, но критикует архитектуру: “La plupart des edifices publics de Pétersbourg sont bâtis dans le plus mauvais goût”²⁸. В финской столице некоторые из старых деревянных зданий, которые англичанка посчитала неприглядными, уже были заменены новыми каменными зданиями, и Мармье это понравилось. Столица Финляндии была городом

“qui a vu, dans l’espace de quelques années, des centaines d’habitations surgir comme par enchantement dans son enceinte, et des édifices splendides s’élever sur un sol naguère encore aride et nu. Ses rues sont larges, longues et tirées au cordeau, ses places publiques dessinées carrément, et, d’un de ses extrémités à l’autre, Helsingfors a la symétrie des cites construites d’un seul coup par l’autorité d’un souverain ... Les enseignes des marchands et des artisans son peintes comme à Pétersbourg ... les soldats russes paradent sur la place, au son des clairons et des trompettes.”²⁹

При этом, у Гельсингфорса не было вида совсем уж русского города в той мере, как это было у Выборга, который Швеция уступила Российской империи по Ништадтскому мирному договору в 1721 г. Такое впечатление Выборг производил из-за многочисленных бараков в городе и присутствия солдат и офицеров императорской армии на улицах города³⁰.

Третьим западным путешественником, написавшим об обоих городах, был француз Луи Леузон-Ледюк (Louis Léouzon Le Duc). Впервые он посетил Санкт-Петербург осенью 1840 г., и на него большое впечатление произвел облик города: “Quel ensemble de merveilles! Palais de pierre ou de marbre là où naguère s’entassait la boue, vaste cite ... Et tout celà est l’œuvre d’un seul siècle”³¹. В сентябре 1842 г. он впервые приехал в Гельсингфорс, и его впечатления были схожи с впечатлениями Элизабет Ригби:

“Vu du côté de la mer, Helsingfors offre un aspect superbe. ... Une vaste place le domine, bordée de maisons neuves et blanches et prolongée par une esplanade ombragée d’une riche verdure. ... Quand on pénètre dans l’intérieur de la ville, le charme qu’on avait éprouvé en la contemplant de loin s’évanouit peu à peu. Les rues sont larges, tirées au cordeau, mais le plus souvent âpres, montueuses, et pavées, comme dans toutes les villes du Nord, de petits cailloux aigu.....”³²

²⁸ *Marmier X.* Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. Paris, 1851. Pp. 151–153.

²⁹ *Ibid.* Pp. 24–25.

³⁰ *Ibid.* P. 124.

³¹ *Léouzon Le Duc L.* La Russie contemporaine, seconde edition. Paris, 1854. Pp. 1–3, 17; *Léouzon Le Duc L.* L’Ours du nord: Russie – Esthonie – Hogland: Vingt-neuf ans sous l’Étoile polaire: Première série. Paris, 1879. Pp. 1–5, 213.

³² *Léouzon Le Duc L.* La Baltique. Paris, 1855. Pp. 447–448.

В Гельсингфорсе на Леузна-Ледюка произвели впечатление морская крепость Свеаборг, здание Сената и главное здание Университета. Он даже знал, что Александр I ввел традицию, по которой Царевич формально являлся канцлером Университета. Однако, хотя город и был красивым, но он не был очень оживленным, кроме как летом, благодаря иностранным гостям, которые помимо русских посещали водолечебницу. Сходство в облике двух городов привело его к заключению о том, что жители как Гельсингфорса, так и Санкт-Петербурга, любят классическую греческую архитектуру³³.

В начале XIX века Санкт-Петербург и Хельсинки представляли собой самодержавную застройку города. Ее эпоха подошла к концу в обоих городах примерно в одно и то же время, в середине XIX века, когда они начали превращаться в центры торговли и промышленности. Около 1850-х гг. оба города страдали от застоя в строительстве, но во второй половине века его сменил резкий подъем. В Санкт-Петербурге на это указывали многочисленные многоэтажные доходные дома³⁴. В Гельсингфорсе самые красивые улицы городского центра были обрамлены новыми престижными многоэтажными жилыми зданиями, чьи фасады создавали городской пейзаж, который напоминал обрамленные дворцами улицы Санкт-Петербурга. В 1868 г. большой православный Успенский собор в русском стиле, с позолоченными куполами, был воздвигнут на полуострове Катаянокка / Скатудден (Katajanokka/Skatudden). В округе все постепенно было застроено многоквартирными домами в стиле модерн (югенд-стиль) для верхних слоев среднего класса.³⁵ Около 1900 г. городской пейзаж обеих столиц значительно отличался от облика 1850 г.

Необходимо отметить, что новые группы людей, которые превратили маленький город в многонациональный, также добавили сходства облику Гельсингфорса XIX века с Санкт-Петербургом. Эти новые группы включали офицеров, моряков и солдат Российской императорской армии, которая заменила шведскую армию. Вслед за армией в городе вскоре появились первые татарские и еврейские жители. В 1866 г. Полина Венгерова, жена русского офицера в Свеаборге, жаловалась, что еврейское население в городе составляла «только одна маленькая община старых солдат, получивших еще от Николая Первого

³³ *Léouzon Le Duc L.* La Finlande II. Paris, 1845. Pp. 247–251, 338–339, 387–388, 394–395, 421–426; *Léouzon Le Duc L.* Le Renne: Finlande – Laponie – Iles d'Åland. Paris, 1880. Pp. 3–4, 136.

³⁴ *Bater J.H.* St Petersburg: Industrialization and Change. London, 1976. Pp. 17–40; *Buckler Julia A.* Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityscape. Princeton & Oxford, 2005. Pp. 31–60.

³⁵ *Brunila B. & af Schultén M.* Stadsplan och byggnadskonst // Helsingfors stads historia, IV delen, första bandet (Финское издание: Helsingin kaupungin historia IV:1). Ss. 9–99; *Åström S.-E.* Stadssamhällets omdaning // Helsingfors stads historia, IV delen, andra bandet (Финское издание: Helsingin kaupungin historia IV:2). Ss. 9–57, 113–147.

привилегию поселиться в этой местности»³⁶. Однако, к концу периода империи, многие татарские и еврейские купцы утвердились в качестве респектабельных городских жителей среднего класса³⁷. Естественно, жизнь города также оживилась благодаря многим русским и прибалтийским немцам из Санкт-Петербурга, которые поселились в Гельсингфорсе³⁸. Более того, благодаря расположению на пути между Стокгольмом и Санкт-Петербургом, небольшой Гельсингфорс посещали зарубежные художники, театральные труппы, ученые и другие путешественники, которые останавливались здесь, путешествуя между двумя большими городами.

Гельсингфорс в романе А. Белого «Петербург»

Даже в период максимального роста доля финских подданных в населении Санкт-Петербурга была незначительной³⁹. Тем не менее, «финны» в самом широко понимаемом современном значении должны были быть заметны на улицах Санкт-Петербурга и в пригородах вокруг него, поскольку они образовывали стереотипный литературный образ. Бедный «финский рыболов, печальный пасынок природы» А.С. Пушкина в поэме «Медный всадник» был знаком многим русским. В литературе, как и в реальной жизни, крестьяне, рабочие и уличные торговки, которые говорили на некоем варианте финского или эстонского, могли называться финнами или пренебрежительно «чухня». В «Невском проспекте» Николай Гоголь обыгрывал это отличие: петербургский художник был художником «в стране финнов», но финская женщина, голову которой он рисо-

³⁶ Венгерова П. Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев России в XIX веке. М.; Иерусалим, 2003. С. 260. В оригинале: «Hier in Helsingfors lebten wir fern von allem Jüdischen. In diesem Lande bestand nur eine kleine Gemeinde alter Soldaten, die noch seit der Zeit Nikolaus I. das Privilegium, hier zu wohnen, besaßen» *Wengeroff Pauline Memoiren einer Grossmutter: Bilder aus der Kulturgeschichte der Juden Russlands in 19. Jahrhundert*, Band II. Berlin, 1910. Ss. 155.

³⁷ *Ekkholm L.-K. Boundaries of an Urban Minority: The Helsinki Jewish Community from the End of Imperial Russia until the 1970s. Publications of the Department of Political and Economic Studies 11, Helsinki, 2013. Pp. 30–31; Grönfors M. Minorities and the common culture // Austerity and Prosperity: Perspectives on Finnish Society / ed. Marjatta Rahikainen. Helsinki, 1993. Pp. 159–176.*

³⁸ *Baschmakoff N. and Leinonen M. Russian Life in Finland: A local and oral history. Studia Slavica Finlandensia tom. XVIII. Helsinki, 2001. Pp. 20–25.*

³⁹ В 1816 г. пятью самыми большими языковыми меньшинствами в Санкт-Петербурге были немцы, французы, финны, шведы и латыши; в 1848 – немцы, поляки, финны, шведы и эстонцы; в 1869 – немцы, финны, поляки, евреи и шведы и в 1910 – поляки, немцы, эстонцы, евреи и финны. Engman, 'Officers and Artisans', Table 6; Энгман Финляндцы в Петербурге. С. 140–143.

вал, и финские нимфы на Мещанской улице были «голова чухонки» и «чухонские нимфы».⁴⁰

Около середины XIX века читающая публика Санкт-Петербурга была осведомлена о финском обществе и о том, что происходило в его столице. Я.К. Грот, который в то время жил в Гельсингфорсе⁴¹, написал несколько статей о Финляндии и ее столице в «Современнике», журнале, где редактором был его друг Петр Александрович Плетнев. О Гельсингфорсе и финской культуре в издаваемых ею журналах «Звездочка» и «Лучи» написала Александра Осиповна Ишимова⁴². Фаддей Венедиктович Булгарин уделил финским вопросам внимание в своем периодическом издании «Северная пчела»⁴³. Грот и Плетнев считали Булгарина посредственным писателем⁴⁴, и, вполне вероятно, они также знали, что он является осведомителем полиции⁴⁵. В любом случае, «Северную пчелу» активно читали в Санкт-Петербурге; Николай Гоголь упоминает этот факт в своих «Петербургских повестях».⁴⁶ Иными словами, в Санкт-Петербурге многие русские имели представление о реальном Гельсингфорсе. Полстолетия спустя, ко времени написания А. Белым романа «Петербург», оно могло стать достаточно размытым для его целей.

Таким образом, интересно заметить, что в романе А. Белого «Петербург»⁴⁷ нет, в действительности, ничего вымышленного о Гельсингфорсе, чего бы ни

⁴⁰ The Collected Tales of Nikolai Gogol. Translated and Annotated by Richard Pevear & Larissa Volokhonsky. London, 2003. P. 252, 261, 269; Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1984. С. 12, 22, 30, 320.

⁴¹ Грот жил в Гельсингфорсе с 1840 по 1853 гг. Он был профессором русского языка, истории и литературы в Императорском Александровском университете (Университете Хельсинки). См. Воспоминание о Гельсингфорсе. С. 36–42.

⁴² *Nathanaëlle M.-T.* An Imperial Idyll: Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 199. Helsingfors, 2016. Pp. 175–176; *Приймак Нинель И.* Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников // Гельсингфорс – Санкт-Петербург: Страницы истории: вторая половина XIX – начало XX века / под ред. Т. Вихавайнена & С.Г. Кащенко. СПб., 2012. С. 55–68.

⁴³ Северная пчела. 1840. № 160, 161, 166, 167.

⁴⁴ Переписка Я.К. Грота съ П.А. Плетневым / под ред. К. Я. Грота. С.-Петербургъ, 1896.

⁴⁵ См. *Schleifman N.* A Russian Daily Newspaper and Its Readership: Severnaja pchela, 1825–1840 // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1987. Vol. 28. Pp. 127–144.

⁴⁶ В «Невском проспекте», «Записках сумасшедшего» и «Носе» подозрительные персонажи Гоголя либо читают «Пчелу» Булгарина, либо предлагают небольшую статью в нее. The Collected Tales of Nikolai Gogol, 268, 277, 282, 313, 432 n7; *Гоголь Н.В.* Собр. соч. С. 28, 38, 52, 167, 320.

⁴⁷ Я использовала следующие издания и соответствующие редакторские и переводческие комментарии: *Bely A.* Petersburg. Translated, annotated, and introduced by Robert A. Maguire and John E. Malmstad, Hassocks. Harvester Press, 1978 (transl. from the Berlin 1922 edition); *Bely A.* Petersburg: A Novel in Eight Chapters with a Prologue and an Epilogue, translated

существовало около 1905 г. в реальном Хельсинки / Гельсингфорсе. Это же справедливо в отношении всех деталей, в которых «Петербург» имеет отношение к Финляндии и финскому. Санкт-Петербург мог показать «Так из финских болот город тебе покажет место своей безумной оседлости красным, красным пятном...», как об этом утверждается в издании 1916 г., и Медный Всадник по-прежнему стоит на финском⁴⁸ граните⁴⁹. Сенатор Аполлон Аполлонович из романа Белого однажды подумал, что, когда он выйдет в отставку, хорошо бы поселиться на даче в Финляндии⁵⁰. В реальной жизни зажиточные петербуржцы имели изысканные деревянные дачи на Карельском перешейке, по обе стороны границы, с хорошим железнодорожным сообщением между Санкт-Петербургом – Выборгом – Гельсингфорсом.⁵¹ Более того, финский нож, известный у русских как «финка», который Александр Иванович хотел купить в целях убийства⁵², был обычным инструментом в среде финских крестьян и рабочих.

«Вы помните Гельсингфорс и катанье на лодках...», – Зоя Захаровна спрашивает Александра Ивановича в романе Белого «Петербург»⁵³. В настоящем Гельсингфорсе такие прогулки на небольших лодках были довольно популярны среди рабочего класса и людей скромного происхождения. Они жили к северу

by David McDuff., London: Penguin Books, 1995 (переведено с московского издания 1981 г. и петроградского 1916 г.). Русские издания: *Белый А.* Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом – Petersburg: A Novel by Andrei Bely. Introduction by Georgette Donchin, Letchworth, 1967 (петроградское издание 1916 г.); *Белый А.* Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. СПб., 1999 (переведено с московского издания 1981 г. и петроградского 1916 г.); Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. М., 2007; Петербург: [Роман в восьми главах с прологом и эпилогом]. М., 2011.

⁴⁸ В действительности, гранит был доставлен из Карелии (которая не являлась частью Финляндии во времена Екатерины II), как правильно замечено в немецком путеводителе. *Baedeker K.* St. Petersburg und Umgebungen: Handbuch für Reisende. Leipzig, 1901. Ss. 23–24.

⁴⁹ *Bely* 1978/1922, p. 64; *Bely* 1995/1981/1916, pp. 55, 126; *Белый/Bely* 1967/1916. Pp. 47, 224; *Белый* 1999/1981/1916, pp. 110–111, 200; *Белый* 2007. P. 55; *Белый* 2011. P. 52.

⁵⁰ *Bely* 1978/1922. Pp. 139, 290, 354; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 268, 573; *Белый/Bely* 1967/1916. P. 224; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 376, 755; *Белый* 2007. P. 251, *Белый* 2011. P. 227.

⁵¹ *Baschmakoff and Leinonen* Russian Life in Finland. Pp. 25–31; *Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca & London, 2003. Pp. 58–71, 112; *Ловелл С.* Дачники: история летнего жилья в России 1710–2000. СПб., 2008. С. 70–85, 132; *Hellberg-Hirn E.* Дачный альбом Чукоккала как игра в культуру // *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area* / eds. N. Baschmakoff and M. Ristolainen, A. Series. 3/2009, Helsinki, 2009. Pp. 99–108.

⁵² *Bely* 1978/1922. P. 216; *Bely* 1995/1981/1916. P. 424; *Белый/Bely* 1967/1916. P. 354; *Белый* 1999/1981/1916. P. 567; *Белый* 2007. P. 393; *Белый* 2011. P. 355.

⁵³ *Белый/Bely* 1967/1916. P. 310; *Белый* 1999/1981/1916. P. 503; *Белый* 2007. P. 344; *Белый* 2011. P. 312. Английские переводы (*Bely* 1978/1922. P. 190; *Bely* 1995/1981/1916. P. 372) скорее предлагают туристические экскурсии по архипелагу. См.: *Baedeker K.* Russland: Handbuch für Reisende. Leipzig, 1901. P. 197.

от «длинного моста», который отделял людей более знатного происхождения от рабочих и прислуги так же, как это делали и мосты в Петербурге. В этом рабочем районе были параллельные улицы, называемые «линиями». ⁵⁴ В небольшом Гельсингфорсе линий было всего пять, в то время как в Петербурге Александр Иванович жил на Семнадцатой линии Васильевского острова ⁵⁵.

В вымышленном Санкт-Петербурге А. Белого подозрительная личность (Шишнарев), который утверждает, что живет в Гельсингфорсе, напоминает Александру Ивановичу, что они встречались там в кофейне ⁵⁶. В реальном Гельсингфорсе подобные персонажи с внешностью более или менее среднего класса могли посещать кофейни в центре города. Там к самым лучшим кофейням относился «Фазер» (Fazer) ⁵⁷, чьим владельцем являлся Карл Фазер – сын швейцарского иммигранта, который учился на кондитера в Санкт-Петербурге (также как и его конкуренты). На его шоколадной фабрике в Гельсингфорсе трудились русские рабочие, как до, так и после Октябрьской революции 1917 г., в то время как его брат Эдвард Фазер был организатором первого парижского турне Русского Балета в 1908 г. ⁵⁸

В Гельсингфорсе Александр Иванович встретил ‘некую особу’:

В Гельсингфорсе был Александр Иванович после бегства своего из мест не столь отдаленных: с Гельсингфорсом у него не было никаких особенных связей: там он встретился лишь с некой особой.

Так почему же именно Гельсингфорс? ⁵⁹

В самом деле, почему Гельсингфорс? «Финская тема» ⁶⁰ в «Петербурге» Белого не волновала редакторов. Тем не менее, Л.К. Долгополов и его последователь – Дэвид МакДафф – предлагают сведения о реальной жизни относительно галлюцинаций Александра Ивановича, которые начались в Гельсингфорсе. В своем письме Александру Блоку 26 ноября 1911 г. Белый пишет в связи с мен-

⁵⁴ *Åström* Stadssamhällets omvandling. Pp. 99, 217–218.

⁵⁵ *Bely* 1978/1922. P. 12; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 17–18; *Белый* 1999/1981/1916. P. 64.

⁵⁶ *Bely* 1978/1922. Pp. 203–207; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 398–408; *Белый/Bely* 1967/1916. Pp. 331–340; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 534–547; *Белый* 2007. Pp. 368–378, *Белый* 2011. Pp. 331–342.

⁵⁷ *Bædeker* K. Russland: Handbuch für Reisende. Leipzig, 1901. P. 191.

⁵⁸ Карл Фазер обучался у кондитера Ж. Бернена в Санкт-Петербурге, где также жили его сестры. На шоколадной фабрике Фазера мастера шоколада и мармелада были русскими; в 1905 г. Иве трети работников имели русские имена. *Hoving V. Karl Fazer 1891–1951. Helsingfors, 1951. Pp. 19–42; Baschmakoff N. and Leinonen M. Russian Life in Finland: A local and oral history. Studia Slavica Finlandensia tom. XVIII. Helsinki, 2001. Pp. 102–119.*

⁵⁹ Цит. из: *Bely* 1978/1922. P. 60; cf. *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 112, 116–117; *Белый/Bely* 1967/1916. Pp. 95, 98–99; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 183, 189; *Белый* 2007. Pp. 108, 112–113, *Белый* 2011. Pp. 99, 102–103.

⁶⁰ Фраза из: *Bely* 1978/1922. P. 348.

тальной болезнью их друга, что «уже названы некоторые (...) символы ... названы Азеф и Гельсингфорс»⁶¹.

В действительности, реальный Хельсинки / Гельсингфорс не был особо революционным или конспиративным, скорее, наоборот. Революция 1905 г. в Санкт-Петербурге, важность которой подчеркивалась Белым в нескольких упоминаниях о 1905 г.⁶², быстро дошла до финской столицы, но это было, скорее, исключение. Главная причина, по которой в реальной жизни русские революционеры, провокаторы и конспираторы встречались в Гельсингфорсе или каких-то других финских городах (большевики особенно любили Тампере / Таммерфорс) заключалась в том, что российская тайная полиция не была действенной в Финляндии. Белый, должно быть, знал об этом, поскольку Александр Иванович, который бежал с места своей ссылки, открыто проповедует в кофейне в Гельсингфорсе о необходимости разрушить культуру, несмотря на то, что агент российской полиции сидит за соседним столиком⁶³.

Можно предположить, что Гельсингфорс служил целям А. Белого, поскольку данное название было знакомо всем его читателям, но реальный город не был хорошо известен, что давало ему свободу действий. Однако, поскольку его вымышленный Гельсингфорс оказался настолько реальным, возможно, именно поэтому его галлюцинаторные персонажи вращаются в здравомыслящем городе. Это неверно в отношении его вымышленного Санкт-Петербурга.

Роберт Магуайр и Джон Малмстад – редакторы английского перевода издания «Петербург» 1922 г. – считают Санкт-Петербург А. Белого образом современного мегаполиса. Они обосновывают это следующим образом:

Bely manages to convey a sense of the actual physical presence of the city, making it so vivid and “real” that sometimes we almost think we are reading a gloss on Baedeker. (At the same time, we understand that Petersburg represents the modern city generally)⁶⁴.

В нашем прочтении, в «Петербурге» Белого персонажи действуют в нереальном, сумеречном городе. Его символы были теми, что есть у Бедекера в «Путеводителе путешественника», поскольку такими они, более или менее, и были. Как Белый написал Блоку, «В Петербурге я турист, наблюдатель, не жи-

⁶¹ Долгополов Л.К. в: *Белый* 1999/1981/1916. С. 837; См. Также: МакДафф Д. в: *Bely* 1995/1981/1916. С. 595, примечание 12.

⁶² *Bely* 1978/1922. Pp. 32, 37, 52, 76, 150, 241; *Bely* 1995/1981/1916. Pp. 58, 67, 96, 146, 292, 481; *Белый* 1999/1981/1916. Pp. 114, 125, 161, 224, 404, 636.

⁶³ См. сноску 56.

⁶⁴ Предисловие переводчиков в: *Bely* 1978/1922. Pp. Xiii–xiv

тель...»⁶⁵. Белый не был петербуржцем, в отличие от многих своих читателей. Он создал Санкт-Петербург, подобный тени, поскольку он подходил его целям, но также и потому, что у него не было выбора.

Насколько мы понимаем, вымышленный Санкт-Петербург Белого представляет старый порядок, а не современный город, таким, каким его понимали в 1905 г. Провокаторы жили на старой Петроградской стороне Санкт-Петербурга, как много раз Белый напоминал читателям, в то время как сенатор и его сын жили в частном дворце неопределенного имперского стиля, и им служил лакей с позолоченным галуном. В вымышленном Санкт-Петербурге Белого отдаленные звуки автомобилей, электрический свет и кофейни на Невском проспекте – по-видимому, единственные признаки современного городского мира. В издании «Петербург» 1916 г. Белый даже посмеялся над этим: сначала он упоминает «желто-красный трамвай», но потом исправляет опisku: «в это время трамвай еще не бегал по городу: это был тысяча девятьсот пятый год»⁶⁶. В Санкт-Петербурге первые электрические трамваи появились только в 1907 г.⁶⁷, в то время как в Гельсингфорсе все трамвайные линии были электрическими в 1901 г. В то время, когда Белый писал «Петербург», небольшая финская столица, возможно, была более современной, чем крупная российская столица. Может быть, именно поэтому Белый решил отобразить Гельсингфорс в зеркале Санкт-Петербурга.

Эпilog: Хельсинки периода холодной войны как декорация Петрограда / Ленинграда и Москвы

Сфера развлечений – это серьезное дело, а в нестабильные времена – политически деликатное. Это было известно композиторам и либреттистам, которые писали оперы в старые времена, а также кинематографистам XX века. Не далее как в 1919 г., российские кинематографисты, которые эмигрировали после Октябрьской революции 1917 г., сняли в Хельсинки / Гельсингфорсе и с финской стороны Карельского перешейка кинофильм под названием «Под иглом большевизма»⁶⁸, который вышел в финской столице в октябре 1919 г.⁶⁹

После Второй мировой войны кинофильмы превратились в серьезный бизнес. Однако, во время холодной войны многие фильмы были политически ан-

⁶⁵ Цит. по: Долгополов ... // Белый 1999/1981/1916. Р. 790.

⁶⁶ Bely 1995/1981/1916. Рр. 12–13, 14; Белый 1999/1981/1916. Рр. 58, 60.

⁶⁷ От конки до трамвая: из истории петербургского транспорта / Ред. Е. Шапилов [et al.]. Спб.; М., 1994. Р. 39.

⁶⁸ Мой перевод финского названия кинофильма.

⁶⁹ Heiskanen O. Tehtävä Suomessa: Kotimaamme ulkomaisissa elokuvissa. Helsinki, 2008. Рр. 23, 24.

гажированными⁷⁰. Некоторым кинематографистам в Соединенных Штатах нужны были сцены из России / Советского Союза, но их не приглашали туда. Поэтому они ехали в Финляндию, поскольку та была в хороших отношениях с восточным соседом. Оути Хейсканен подсчитал, что в период между 1964 и 1997 гг. более десятка американских фильмов были частично сняты в Финляндии. Далее обратимся только к тем, которые представляют определенный интерес⁷¹.

В «Кремлевском письме» (1970, режиссер Джон Хьюстон) зимний Хельсинки играет роль Москвы, а также немного Ленинграда. Фильм включает довольно много сцен Хельсинки, снятых, например, на улицах, примыкающих к Сенатской площади и Художественному музею Атенеум. На Катаянokka / Скатуддене настоящая тюрьма играла роль российской, а настоящий русский ресторан – роль мастерской по изготовлению стекла и зеркал; на остановке трамвая и фасаде здания банка появились тексты на кириллице, а торцевую стену здания украшал портрет Ленина. В морской крепости Свеаборг (ныне называемой Суоменлинна) была построена русская рыночная площадь с самоварами на продажу. Аэропорт Хельсинки играл роль аэропорта Москвы, поэтому большая вывеска «Москва» с серпом и молотом приветствовала тех, кто приземлялся во время съемок фильма.

Подобное происходило и в более поздних фильмах. В «Телефоне» (1977, режиссер Дон Сигел) Хельсинки вновь изображал Москву и Ленинград. Мы видим мельком морскую крепость, улицы Катаянokka, Успенский собор в русском стиле и кварталы XIX века вокруг Сенатской площади. Дом (неблагородных) сословий, построенный в 1890 г., играл роль главного здания КГБ, и кинематографисты построили поблизости декорацию в виде телефонной будки с надписью ТЕЛЕФОН. В «Красных» (1981, режиссер Уоррен Битти) Хельсинки играет роль революционного Петрограда: на Сенатской площади снималась сцена Октябрьской революции, а революционеры брали штурмом «Зимний дворец», который в реальности был зданием Сената, спроектированным Энгелем. В «Парке Горького» (1983, режиссер Майкл Эптед) Хельсинки изображает Москву; башня Финского национального музея, с большой красной звездой наверху, играла роль кремлевской башни.

В «Белых ночах» (1985, режиссер Тэйлор Хэкфорд) американские кинематографисты использовали новый трюк. До этого сцены, снимаемые в Хельсин-

⁷⁰ *Kozovoi A.* 'This film is harmful': Resizing America for the Soviet Screen // *Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered* / eds. Sari Autio-Saraso and Brendan Humphreys. Aleksanteri Cold War Series 1/2010, Helsinki, 2010. Pp. 137–153.

⁷¹ *Heiskanen Tehtävä Suomessa.* Pp. 77–187. Факты ниже приведены из ее работы и из списка (на финском, прочитан 28 декабря 2016), составленном Национальным Аудиовизуальным Институтом в Хельсинки, Финляндия.

ки, имели вынужденно ограниченную перспективу, в то время как Ленинград и Москва были огромными городами. Тэйлор Хэкфорд в Стокгольме узнал о финских документалистах, которые направлялись в Ленинград. Он договорился с ними об использовании их материалов. Поэтому в финале сцены, снятые в Хельсинки, плавно переходили в сцены, снятые в Ленинграде. С помощью качественно выполненной постановки и монтажа, трюк был настолько умело выполнен, что только лишь потому, что мы *знаем*, что это трюк, мы можем различить действительное и вымышленное. Смогут ли историки в будущем, если таковые будут, увидеть, где действительное перетекает в вымышленное?

Список литературы

1. *Каллейнен К.* Священные узы бюрократии – высшее чиновничество Финляндии и Россия 1809–1898 гг. // Два лика России. Сборник статей / Под ред. проф. Тимо Вихавайнена. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге Европейский Дом, 2007. С. 27–45.
2. *Ловелл С.* Дачники: история летнего жилья в России 1710–2000. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 346 с.
3. ОТ КОНКИ до трамвая: Из истории петербургского транспорта / Авт.-сост. Е. Шапилов и др. СПб.; М.: Лики России Джулия, 1994. 239 с.
4. *Приймак Н.И.* Финляндия 40–50-х гг. XIX в. в записках русских путешественников // Гельсингфорс – Санкт-Петербург : Страницы истории: вторая половина XIX – начало XX века / под ред. Т. Вихавайнена & С.Г. Кащенко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 55–68.
5. Философский век. Альманах. Вып. 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.–Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. 355 с.
6. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге / Пер. со шв. А.И. Рупасова. СПб.: Европейский Дом, 2008. 469 с.
7. *Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley: University of California Press, 1988. 315 p.
8. *Åström S-E.* Samhällsplanering och regionsbildning i kejsartidens Helsingfors. Helsingfors, 1957. 375 s.
9. *Åström S-E.* From Stockholm to St.-Petersburg: Commercial Factors in the Political Relations between England and Sweden 1675–1700. Helsinki: Finnish Historical Society, 1962. 146 p.
10. *Baschmakoff N. and Leinonen M.* Russian Life in Finland: A local and oral history. Studia Slavica Finlandensia tom. XVIII. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. 485 p.
11. *Bater J.H.* St Petersburg: Industrialization and Change. London: Edward Arnold, 1976. 469 p.
12. *Becker S.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1985. 259 p.
13. *Blum J.* Russia // European Landed Elites in the Nineteenth Century, ed. D. Spring. Baltimore & London: Johns Hopkins University Press, 1977. Pp. 68–97.
14. *Buckler J.A.* Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityscape. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2005. 384 p.

15. *Busch M.* Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Düsseldorf: Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, 1995. 288 s.
16. *Ekholm L.K.* Boundaries of an Urban Minority: The Helsinki Jewish Community from the End of Imperial Russia until the 1970s. Publications of the Department of Political and Economic Studies 11. Helsinki: University of Helsinki, 2013. 115 p.
17. *Engman M.* Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century'. Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. Pp. 155–177.
18. *Engman M.* Officers and Artisans: Finns in Russia, in Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study, eds. M. Branch, J.M. Hartley and A. Maćzak. London: School of Slavonic and East European Studies. 1995. Pp. 241–258.
19. *Grönfors M.* Minorities and the common culture // Austerity and Prosperity: Perspectives on Finnish Society, ed. M. Rahikainen. Helsinki: University of Helsinki, Lahti Research and Training Centre. 1993. Pp. 159–176.
20. *Heikkinen S.* Labour and the Market: Workers, Wages and Living Standards in Finland, 1850–1913. Helsinki: Finnish Society of Sciences and Letters, 1997. 269 p.
21. *Hellberg-Hirn E.* Дачный альбом Чукоккала как игра в культуру // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area, eds. N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series 3/2009. Helsinki: Aleksanterin instituutti, 2009. Pp. 99–108.
22. *Hoving V.* Karl Fazer 1891–1951. Helsingfors, 1951. Pp. 19–42
23. *Ilmakunnas J.* Career at Court: Noblewomen in Service of Swedish and Russian Royals, c. 1750–1850 // Women's History Magazine. 2013. Vol. 72. № 2. Pp. 4–11.
24. *Katajala K.* Eastern Finland and St. Petersburg 1809–1917: Restructuring of Infrastructure and Rural Economy in the Concentric Circles around a Metropolis' // The East-West Interface in the European North, eds. M. Dahlström, H. Eskelinen and U. Wiberg. Uppsala: Nordisk Samhällsgeografisk Tidskrift, 1995. Pp. 11–27.
25. *Kirby D.* A Concise History of Finland. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 364 p.
26. *Kozovoi A.* 'This film is harmful': Resizing America for the Soviet Screen // Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered, eds. S. Autio-Sarasmo and B. Humphreys. Aleksanteri Cold War Series 1/2010. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2010. Pp. 137–153.
27. *Löfving E.* Finländska flickor i jungfrustiftet Smolna i Petersburg, in Historiska och litteraturhistoriska studier. 1988. Vol. 63. Ss. 277–306.
28. *Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca & London: Cornell University Press, 2003. 260 p.
29. *Minard-Törmänen N.* An Imperial Idyll: Finland in Russian Travelogues (1810–1860). Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 199. Helsingfors: Societas Scientarium Fennica, 2016. 350 p.
30. *Peltonen M.* A bourgeois bureaucracy? The new mentality of the Finnish aristocracy at the beginning of the period of autonomy // State, Culture and the Bourgeoisie, ed. M. Peltonen. Jyväskylä: University of Jyväskylä. 1989. Pp. 33–53.
31. *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm: Nordiska bokhandeln, 1979. 448 p.
32. *Rahikainen M.* The fading of the ancien régime mentality: Young upper-class women in imperial St Petersburg and Helsinki (Helsingfors)' // Scandinavian Journal of History. 2015. Vol. 40. № 1. Pp. 25–47.

33. *Rahikainen M.* Historical and present-day child labour: Is there a gap or a bridge between them? // *Continuity and Change*. 2001. Vol. 16. № 1. Pp. 137–156.
34. *Ransel D.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988. 344 p.
35. *Schweitzer R.* Government in Finland: Russia's Borderland Policy and Variants of Autonomy // *Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study*, eds. M. Branch, J.M. Hartley and A. Maćzak. London: School of Slavonic and East European Studies, London, 1995. Pp. 91–109.
36. *Schleifman N.* A Russian Daily Newspaper and Its Readership: *Severnaja pchela*, 1825–1840 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1987. Vol. 28. Pp. 127–144.
37. *Schoolfield G.C.* Helsinki of the Czars: Finland's Capital: 1808–1918. Drawer, Columbia, SC: Camden House, 1996. 485 p.
38. *Screen J.E.O.* The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army. *Studia Historica* 22. Helsinki: SHS, 1986. 320 p.
39. *Screen J.E.O.* The Military Relationship between Finland and Russia, 1809–1917 // *Finland and Poland in the Russian Empire in the Russian Empire: A Comparative Study*, eds. M. Branch, J.M. Hartley and A. Maćzak. London: School of Slavonic and East European Studies, London, 1995. Pp. 259–270.
40. *Söderberg J., Jonsson U. and Persson C.* A Stagnating Metropolis: The Economy and Demography of Stockholm, 1750–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 234 p.
41. *Upton A.* Epilogue // *Finland and Poland in the Russian Empire: A Comparative Study*, eds. M. Branch J.M. Hartley and A. Maćzak. London: School of Slavonic and East European Studies, London, 1995. Pp. 283–287.
42. *Whelan H.W.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln, Weimar & Wien: Böhlau Verlag, 1999. 387 p.
43. *Wirilander K.* Herrskapsfolk: Ståndspersoner i Finland 1721–1870. Stockholm: Nordiska museet, 1982. 465 s.